

Журнал "Свет над Байкалом"

№ 1, 1957

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Свет над Байкалом": № 1, 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 163 с.

ISBN 978-5-458-66344-1

Журнал "Свет над Байкалом" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходилс в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66344-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Константин Федорович Седух родился в 1908 г. Первый сборник стихов „Забайкалье“ вышел в 1933 г. в Иркутске. Всего вышло 9 сборников стихов „Праздник весеннего сева“, „Родная степь“ и др. В 1943 г. в Иркутске издана первая часть романа „Даурия“ в 1948 г. роман печатается полнотью.

В послевоенные годы автор работал над новым романом „Отчий край“.

Константин СЕДУХ

ОТЧИЙ КРАЙ

...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства...

В. И. Ленин.

Рис. А. Сахаровской.

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Молодость, молодость!.. Я не знаю человека, который думал бы о тебе без волнения и благодарности, без улыбки на самых суровых устах. Всем нам светило твое незакатное солнце, гремели весенние громы, бил в лицо неумный ветер, шумели деревья и кланялись травы в степи. Ты кормила нас добрым хлебом, поила водой из горных кипучих ключей. Все твои краски и звуки, мечты и дерзання, радости и тревоги храним мы в памяти, как драгоценный дар. И чем ярче было твое неповторимое цветенье, тем полней и значительней моя последующая жизнь человека на этой чудесной земле...

Нелегкая молодость выпала на долю казацкого сына Ганьки Ульбина. Простодушным, не знающим жизни подростком, проводила его в партизаны убитая горем мать. Солнечным майским утром, под раскатами артиллерийской пальбы, умчался он на коне от родного дома и больше уже никогда не видел его. В покинутый красными поселок ворвались семеновцы. Они сожгли улыбинский дом со всеми его постройками, закололи волов и корову, застрелили метавшегося на пожарище пса Лазутку.

Словно сорванный с дерева лист, закружило и понесло Ганьку в потоке непонятной, грозной жизни.

Прикрываясь заслонами от наступающего по пятам врага, партизаны вырвались из окружения и стремительно уходили вглубь по Аргуня.

Горели подожженные снарядами леса на сопках, клубился, сливаясь вдаль с облаками, белый дым. Бурой пылью застлало дорогу. По ней на рысках шли тысячи всадников, катились со стуком и дребезгом веревки обозных телег. В набитых соломой телегах проклинали все на свете истерзанные невыносимой тряской раненые. Прикрывающие обоз бойцы угрозами и руганью заставляли мобилизованных возниц нахлестывать кнутами выбивающихся из сил лошадей. Нужно было спешить и спешить, чтобы оторваться от белых, чьи пушки напоминали о себе то звонко рвущейся в небе шрапнелью, то тяжким ударом гранаты вблизи от дороги, где нежно зеленели на пашнях всходы пшеницы, пахуче и радостно распускалась черемуха.

Ганька Улыбин затерялся в середине растянутого на версты грохочущего и орущего в сотни глоток обоза. За плечами у него висела отцовская берданка, на боку — обшитая сукном алюминиевая фляга. На пути часто встречались бьющие из каменистых обрывистых сопкох ступенные ключи. Он наполнял в них водою свою флягу и на ходу поил сгоравших от жажды раненых. На них было страшно и больно смотреть. Еще недавно полные сил и здоровья, были они теперь совершенно беспомощны. У самых тяжелых запали глаза, обострились парозные щетиной, серые от пыли лица. Всем им требовался полный покой, а их без конца трясло и мотало по дорожным камням и ухабам. Несколько человек были уже в безнадежном состоянии. Они доживали последние минуты на залитой солнцем веселой земле, расставаться с которой так горько и трудно.

Через два дня преградили партизанам дорогу крутые высокие горы, закутанные в облака. На горах синела вековая, богатая зверем и птицей, тайга. Над гневно кипящей в теснинах Аргунью вилась по отвесным скалам тропа, недоступная для обозов. Телеги с партизанским имуществом, с беженцами и ранеными сгрудились и остановились в долине Убийной, под обрывами Винтовальной горы, розовой от цветущего багульника. На всю жизнь запомнились Ганьке эти названия. Там кончилось его отрочество и началась полная невзгод и лишений молодость.

Азиатская дивизия барона Унгерна настигла партизан. Завязался ожесточенный двухдневный бой. Бились и ночью и днем. А в это время в тылу вязали и сколачивали плоты. Топорами и шашками рубили в тайге деревья, таскали, возили и просто скатывали их с горы к реке. Работали все, кто только стоял на ногах. По всему плотбищу пылали костры. На них варили в котлах и ведрах жесткую конину и ели ее без хлеба и соли.

С горем, застывшим в глазах, ободранными в кровь руками, скатывал Ганька вместе со взрослыми тяжелые бревна. Сминая кустарники, увлекая с собой лавину камней, летели и падали в воду бревна со сбитой, измочаленной в клочья корой. А на юге, с каждым часом все ближе и ближе, бухали пушки, выпыхивала и замирала ружейная трескотня. Все чаще приносили оттуда раненых бородастые пожилые санитары.

На второй день снаряды унгерновских батарей стали рваться на плотбище, убивая и калеча людей, разбивая плоты и телеги. Всякий раз, когда рядом падал сраженный на смерть человек, Ганька плакал, не стыдясь своих слез и даже не замечая, что плачет. За себя он не страшился. Как всякий подросток, был он твердо уверен, что с ним ничего не случится. Но он с тревогой следил за появившимся на берегу дядей Василием.

Василий Андреевич прискакал с передовых позиций, чтобы предотвратить готовую вспышку в обозах пашику. С забинтованной головой ходил он по плотбищу, распорядясь спокойно и властно. После каждого разрыва снаряда Ганька боялся, что его уже нет в живых, а он все расхаживал, похлестывая себя нагайкой по голенищу сапога, и вовремя оказывался там, где более всего был нужен.

Еще утром послал он местных партизан на китайскую сторону за бо-

тами и лодками. Посланные побывали в бакалейках, расположенных ниже Винтовальной горы, и вернулись оттуда с двумя десятками лодок и разрешением китайских властей — переправить на ту сторону всех, кого успеют. Фельдшера отобрали тяжело раненых, и они уехали к гостеприимным соседям.

К вечеру разыгралась большая гроза. Медленно надвигалась с востока темносиняя туча с ослепительно белой верхушкой, с пышно взбитыми клубящимися краями. То и дело пробегали по ней, ветвясь и извинаясь, гремучие молнии. Скоро вспышки заблестели над плотбищем, где неистово работали мокрые от пота люди. Как муравьи, облепили они плоты, копошились на берегу, стучали топорами, вили из прутьев крепкие кольца. Когда из тучи скользнула слепящая белым огнем исполинская молния и вонзилась в макушку Винтовальной горы, оглушенные громом люди задвигались еще быстрее, еще пуще загорланили и застучали. Только лишь смерть могла сделать их неподвижными и немыми.

С чувством внезапной восторженной гордости Ганька следил за ними, пока не обрушился на них шумный и яростный ливень. Сразу скрыл из виду реку и горы, людей и телеги низвергнувшийся из туч водопад. Стало темно, как ночью. По рвам и расщелинам хлынули с Винтовальной бешеные потоки. Ручеек в Убиенной пади сделался неукротимой, все смывающей на своем пути рекой. Телеги, мешки, ящики и хомуты подхватил и унес он в Аргунь прежде, чем спала в нем мутная вода.

Пользуясь наступившим затишьем, на плотбище продолжали ожесточенно работать.

Ночью нагруженные беженцами и ранеными, плоты стали отваливать друг за другом от берега. К рассвету на берегу остались лишь брошенные телеги и убитые лошади.

Вслед за этим начался отход боевых частей. Сотня за сотней вытянулись гуськом и начали подниматься на утопающую в тумане гору. Бойцы вели коней в поводу, прижимаясь на узкой и скользкой тропинке к замшелым скалам, у подножья которых шумела и клокотала река. Непривычные лошади в самых опасных местах, где нельзя было ни разъехаться, ни разойтись, испуганно фыркали, садились на задние ноги, рвались, обезумев, из рук. Чтобы не задерживать движения, их убивали выстрелом в ухо, и падали они в полную мглы и сырости пропасть. Там и пришлось Ганьке распрощаться со своим конем, полетевшим в Аргунь.

До ближайшего поселка он тащился пешком. Голодный и вымоченный до последней нитки, шагал он по черному горелому лесу. Берданка за плечами вдруг стала страшно тяжелой и неудобной. Она натирала ремнем плечо, больно колотила его по спине. Он шел и чувствовал, что скоро свалится и не сможет встать.

По дороге все время обгоняли его злые, незнакомые партизаны. Никто из них не посочувствовал ему, не посадил к себе. А один парень в серой войлочной шляпе, с глазами навыкате, обгоняя его, прокричал:

— Торопись, сосунок! Теперь ты самый последний! Пропадешь ни за грош, ни за копейку...

Ганька поглядел вслед промчавшемуся парню и ему сделалось жутко. Он сбросил с себя мокрую куртку, разулся и прибавил ходу. Только увидев внизу, под горой, широкую станичную улицу, запруженную партизанами, он остановился и передохнул.

Войдя в поселок, он у крайней избы свалился в тень от бревенчатого забора и крепко заснул. Уже вечером на него случайно наткнулся Федот Муратов. Он угостил его ломтем черного хлеба и доставил к Василию Андреевичу в просторный купеческий дом, где разместился штаб.

Василий Андреевич только что вернулся с китайской стороны, куда ездил договариваться об устройстве там партизанского госпиталя. Госпиталь ему разрешили устроить в тридцати верстах от границы, в глухой

тайге, чтобы можно было в случае необходимости заявить, что устроен он красными на собственный страх и риск.

Увидев Ганьку без коня, оборванного и словно оглушенного всем пережитым, Василий Андреевич накормил его. Ночью он велел ему собираться и схватить за границу с людьми, назначенными для обслуживания и охраны госпиталей.

Так Ганька оказался на чужой земле. Эта земля давно влекла и манила его к себе. На ней когда-то воевал с японцами его отец, сложил свою голову дядя Терентий. Ганька знал названия многих ее городов и железнодорожных станций, у которых происходили большие бои. Забайкальцы часто посещали ее и в мирное время. Они ездили в китайские бакалейки и привозили оттуда краснобокие яблоки и земляные орехи, сахар-леденец и халву, кирпичный и байховый чай. У каждого состоятельного казака были рубашки из китайской чесучи и шелка, цветные кушаки и соломенные шляпы — у парней, гарусные шарфы, гребенки и ленты — у девушек. В горницах богачей кровати были застланы плюшевыми одеялами с полосатыми тиграми, а над ними висели ковры с диковинными птицами и цветами, циновки с дворцами и пагодами, с раскосыми красавицами, державшими в руках веера и зонтики.

Переехав Аргунь, Ганька собирался встречать чудеса на каждом шагу. Но увидел он очень мало. Место для госпиталя было выбрано в безлюдной таежной местности, на поляне, вблизи от шумной речки с русским названием — Быстрая. Сопки, тайга и даже надоедливые оводы были здесь такими же, как в Забайкалье. Не было здесь ни фазанов, ни тигров, с которых вдоволь наслышался Ганька дома. В лесу было много пестрых рябчиков, никем не пуганных и доверчивых, как домашние голуби. В речке целыми косяками разгуливали ленки и хариусы, а в горах, на недоступных утесах, жили орлы, грелись на каменных россыпях змеи.

На живописной поляне, окруженной гигантскими лиственницами и голубокорыми осинами, сплошь усеянной цветами, с утра закипела работа. Сняв с себя винтовки и брезентовые патронташи, партизаны раскидывали большие палатки, окапывали их канавами для стока воды, обладывали дерном. Поодаль от палаток появился крытый корьем навес. Под ним, весь в кирпичной пыли и глине, складывал плиту усатый печник, покрикивая на своих нерасторопных помощников. К вечеру плита была готова. Повариха затопила ее, и повеяло на поляне жилым духом, вкусно запахло варевом.

Назавтра справляли в палатках свое новоселье скрытно доставленные в госпиталь раненые, довольные тем, что кончились все их мытарства и наступил долгожданный покой. Было их сто двадцать человек, молодых и старых, терпеливых и привередливых, веселых и безнадежно угрюмых. У одних дела шли на поправку, над другими сокрушенно качал своей белой головой доктор Карандаев, бессильный поставить их на ноги. Слишком мало было в его распоряжении лекарств. Больше приходилось надеяться на собственные силы раненых. Не раз Ганька видел, как мутились от слез стекла докторского пенсне, когда кто-то тяжело расставался жизнью на твердом топчане в палатке. Старому коммунисту и политкаторжанину Карандасу были бесконечно дороги эти люди, стоявшие с ним в одном строю, и за жизнь любого боролся он до конца. А когда появился в тайге первый могильный холмик, Ганька видел не раз, как над ним подолгу стоял погруженный в раздумье доктор.

С первых же дней Ганька горячо привязался к старому доктору. От раненых он узнал, какой это замечательный человек. Восемь лет провел он на каторге и на поселении в Баргузинском уезде. В восемнадцатом году, несмотря на преклонный возраст, пошел добровольцем в Красную гвардию. Был на Даурском фронте, а потом скрывался в одной из лесных коммун.

— Это человек идейный, — сказал про него прискаатель Семико-

ленко. — Он был еще студентом, когда первый раз попал в ссылку. Оттуда потом за границу махнул и там уже на доктора доучился. Я точно не знаю, но слышал от людей, что он самого Ленина встречал, работал вместе с ним. Такого старика беречь да беречь надо. Он еще много людям доброго сделает. Это тебе не Бянкин...

Начальник госпиталя фельдшер Бянкин, бритоголовый, с двойным подбородком, толстяк, назначил Ганьку в помощники к двум пожилым партизанам. Они должны снабжать госпиталь дровами и рыбой. От привольной и сытой жизни у Ганьки скоро округлились щеки, пропало в глазах выражение настороженности и тревоги.

Все обитатели госпиталя оказались новыми для Ганьки людьми. Это были казаки и крестьяне, приискатели и охотники со всех концов Забайкалья. Много интересного узнал от них до всего любопытный подросток во время вечерних бесед у костров. К костру собирались после ужина все, кто мог передвигаться. Ганька слушал их нескончаемые разговоры, охромно посиживая в сторонке, не привлекая к себе ничего внимания. Сами того не подозревая, люди начинали его память всем, что знали и видели в своей жизни.

Приискатели чаще всего разговаривали о золоте. Скоро Ганька знал наперечет названия всех приисков на Унде и Газимуре, на Каре и Урюмкане. Он мог назвать все места, где были найдены за последние сорок лет самые богатые месторождения, перечислить деревни, жители которых мыли золото у себя во дворах и огородах.

От караульских казаков узнал, что в даурских степях зимой почти не бывает снега. Скот там круглый год пасется на подножном корму. А бывалые охотники порассказали ему, что совсем недавно заходили в эти степи из беспредельных монгольских пустынь голубые антилопы и дикие ослы—куланы, пробегающие без отдыха десятки верст. Это так поразило Ганьку, что он долго потом мечтал раздобыть себе быстрого маленького кулана и летать на нем, как на сказочном коньке-горбунке.

Надолго запомнились ему необычайные похождения приискателя Семиколенко и агинского бурята Жалсарана Абидуева. Семиколенко, прежде чем попасть в Забайкалье, прожил семь лет в Австралии. А Жалсаран Абидуев был одно время послушником в дацане и совершил паломничество в Лхасу. Он рассказал такое, чего не знал даже доктор Карандаев. Оказывается, в Тибете продавали за большие деньги, как самое лучшее лекарство все, что извергал из себя организм святейшего Далай-ламы.

Однажды Ганька не вытерпел и вмешался в разговор взрослых. В тот вечер казак-фронтовик Чубатов рассказал, что во время войны он побывал в Турции и собственными глазами видел Арарат. Ганька же верил, что был когда-то на свете всемирный потоп, от которого спасся один лишь Ной в своем ковчеге. Тут он не вытерпел и спросил, стоит ли еще на вершине святой горы Ноев ковчег.

— Ноев ковчег? — переспросил Чубатов и вдруг разразился безудержным смехом: — Эх, ты зеленая ягодка! Верить, чудак, в поповскую брехню, а еще красный партизан. Пороть тебя некому...

Ганька от стыда готов был провалиться сквозь землю. Долго потом изводили его этим злополучным ковчегом все, кому было не лень.

2

Наступил август с обильными росами, вечерними и утренними туманами. В тайге созревали ягоды, под каждым деревом вылезали из-под прошлогодней листвы грибы и грузди.

Ганьку и Гошку Пляскина, парня семнадцати лет, стали каждый день посылать за ягодами на кисели и морсы. Ребята не прочь были побродить по тайге, но предпочитали делать это в качестве охотников. Они спали и видели подстрелить дикого кабана или красавца-изюбря, чей рев не раз слышали по ночам недалеко от госпиталя. Ходить же за ягодами

считали бабьим делом. От этого собирались при первом удобном случае сбежать в боевые партизанские части, оставив донимавшему их завхозу весьма язвительную записку. Но случая не представлялось, и им поневоле приходилось подчиняться строгому завхозу, который только и знал, что донимал их своими приказами и поручениями.

В середине августа в госпиталь пробрался с русской стороны выючный транспорт с крупчаткой, сахаром и медикаментами. Его прислал из занятого партизанами Нерчинского завода Василий Андреевич. С транспортом приехала молодая хорошенькая фельдшерница Антонина Степановна Олекминская. Гошка Пляскин влюбился в нее с первого же взгляда и перестал заговаривать о бегстве из госпиталя.

Взяв с Ганьки слово никому не выдавать его секретов, Гошка рассказал о своем увлечении. У него появилась неодолимая потребность делиться с товарищем всеми неизведанными переживаниями, которые вызвало в ней появление фельдшерницы. В ней ему нравилось буквально все. Обладая даром красочных и неожиданных сравнений, он засыпал ими своего приятеля, едва заходила речь о глазах и косах, о голосе и походке ничего не подозревающей Антонины Степановны. Глаза ее Гошка мог мимоходом сравнить со спелой ягодой голубицей, тронутой нежным голубым налетом, а толстую светлорусую косу—с веткой золотого под осень папоротника. Ганьку сладко разжигали и тревожили Гошкины излияния. По ночам ему стали сниться девушки с горячим и ласковым шепотом, с улыбками, от которых после и наяву бросало его в жар и трепет.

Антонина Степановна не обращала на Гошку никакого внимания. У нее достаточно было и взрослых поклонников, не имевших впрочем успеха. Но Гошка оказался чудовищно ревнивым. Он ревновал ее даже к доктору Карандаеву. При каждой встрече с ней он моментально краснел, обливался потом, терял способность соображать и разговаривать. Ганька сильно переживал за него и частенько со значением напевал ему из песни о Стеньке Разине:

Позади он слышит ропот:
Нас на бабу променял.

Делал он это потому, что был совершенно равнодушен к прелестям фельдшерницы, а в Гошке не чаял души. Все ему казалось необыкновенным в этом смуглом, курчавом, как молодой барашек, парне. Достоинств у него была целая куча.

Во-первых, Гошка был отличный гармонист и песенник. У него была исключительная память. Слова и мелодию любой песни запоминал он с одного раза. Он успел многое прочитать, знал наизусть, из слова в слово, всего «Руслана и Людмилу» и сам мог при случае сочинить какую угодно частушку.

Во-вторых, у Гошки была поразительная биография. Он родился в Александровском центре, под Иркутском. Мать его была революционерка, осужденная на многолетнюю каторгу. Она умерла вовремя этапного пути в Забайкалье, в Мальцевскую женскую тюрьму, когда Гошке было десять месяцев от роду. Тогда его отдали в Горно-Зерентуйский тюремный приют. В семилетнем возрасте его усыновил арестантский фельдшер Пляскин. В четырнадцатом году Пляскин умер, оставив в наследство присмышу свою фамилию да гармонику с колокольчиками. Игрой на гармошке и зарабатывал себе Гошка кусок хлеба, шатаясь по казачьим станицам, где редкая вечерка и свадьба обходились без него. В свободное время Гошка прочел все книги, какие нашлись в школьных библиотеках Олочинской и Аргунской станицы. Однажды он увидел у атамана несколько годовых комплектов журнала «Родина». Атаман очень дорожил ими и ни за что не соглашался дать их на время Гошке. Тогда он три дня иг-

рал на свадьбе атаманского сына за то, чтобы взять на три вечера комплекты, никогда невиданного журнала.

Весной девятнадцатого года Гошка ушел со своей гармошкой в партизаны и был легко ранен в бою у Винтовальной. Знаменитая гармошка его погибла в обозной телеге, разбитой снарядам.

По утрам все вокруг госпиталя тонуло в непроглядном молочном тумане. Неподвижно висел он с вечера над камышами и травами, путался в ветвях осин и лиственниц. С первыми лучами солнца туман приходил в движение. Клубясь и морося мельчайшими каплями влаги, отрывался он от земли, поднимался вверх по горным склонам. Скоро сплошная масса его разрывалась на отдельные полосы. Достигая зубчатых горных вершин, полосы делались узкими и совсем прозрачными. Последние ключья их, подхваченные воздушным потоком, мгновенно исчезали из глаз, растворяясь в утренней синеве.

В одно такое утро ребят разбудила по просьбе завхоза дежурившая по госпиталю Антонина Степановна. Было сыро и холодно. Спросонья принимала противная дрожь. Ребята, отчаянно зевая, прихватили с собой берданки и отправились в верховья Быстрой на разведку брусничных ягодников. Завхоз собирался сделать запасы брусники на всю зиму.

Мрачный лес был обложен, как ватой, сырым туманом. Они шли по чуть приметной тропинке, боясь потерять друг друга. Всякий неосторожно задетый куст обливал их с головы до ног холодной водой. Гошка шагал и жаловался на завхоза:

— И до чего же вредный мужик!.. Сам храпит сейчас во все завертки, а нас заставил поднять ни свет ни заря. Знает, холера, кому легче всего разбудить меня. Он бы со мной до седьмого пота возился, а перед Антониной Степановной мне стыдно куражиться. Надо ему такое подстроить, чтобы помнил он нас с тобой...

Не успели они отойти и двух верст, как в расположении госпиталя началась стрельба. Трижды гроыхнули там четко сколоченные залпы, гулко рванули гранаты, потом всплеснулось злое, многоголосое ура.

Ребята в замешательстве остановились, и лица их стали белее тумана. Было ясно, что случилось что-то страшное.

— Ну, Ганька, кажется, вовремя разбудила нас Антонина Степановна, — стуча зубами, как в лихорадке, сказал Гошка. Перепуганный Ганька невольно перекрестился.

— Что теперь делать будем?

— А ты не знаешь? Назад побежим, вот что!

— Убьют нас там. Что мы двое сделаем? Давай лучше здесь останемся.

— Нет, надо идти. Здесь оставаться никак нельзя, — тяжело вздохнул Гошка. Мы с тобой не бабы, а красные партизаны. Струсим, а как потом своим в глаза глядеть будем?.. Заряди берданку и не трясись, как студень. Смотреть на тебя противно.

— Я не трясусь. А только лучше бы подождать.

— Нечего ждать. Пошли!..

Пока они бежали к госпиталю, там утихли выстрелы и крики, но запылали палатки, кухня и изготовленные для строительства землянок корье и береста. Ребята, еще не увидев огня, услышали, как металось и трещало пламя, словно ломившийся сквозь чащу матерый зверь.

Продвигаясь перебежками от дерева к дереву, скоро увидели они сквозь поредевший туман густой и черный дым. Он вспухал и клубился, вставал над лесом, как огромный гриб. Вдруг на них дохнуло жаром, и они увидели яростно гудевший огонь. Они упали в мокрую траву и поползли к поляне, с которой разогнало жаром весь туман.

По поляне бегали в суете и спешке люди с желтыми лампасами на синих штанах. Их было очень много, и готовые стрелять в них Гошка и Ганька обрекали себя на верную смерть. Спасло их то, что в самый пос-

ледный момент они наткнулись на раненого из госпиталя. Это был казак Чубатов, высмеявший Ганьку за глупый вопрос о ковчеге. Он притаился в яме от поваленного бурей дерева. Узнав, он окликнул их.

Когда они подползли, он спросил их злым шелотом:

— Вы это куда, дураки? Жизнь вам надоела? Вон их сколько, годов-то. Не долго с ними навоюете. Раз уцелели, сидите и не рыпайтесь.

— Все равно пропадать, — сказал ему Гошка, — лучше уж хоть по одному из них да ухлопать. Я отсюда любого выцелю.

Тогда Чубатов с проворством, какого нельзя было и предполагать в нем, выхватил у Гошки из рук берданку, приказал:

— Лежи, сопляк, а то морду набью! Тоже герой мне выискался. Без пользы пропасть всякий болван сумеет. Этим сволочам мы отомстим да только не теперь. Это олочинские дружинники. Я их всех наперечет знаю. Мы про них нашим сообщить должны, чтобы не было им потом пощады.

— Тогда другое дело. А берданку ты мне отдай.

— Ничего, без нее полежишь. Так оно спокойнее будет. — Помолчав, Чубатов спросил: — Как же это вы, ребяташки, уцелели?

— Ягодники искать пошли. Спасибо фельдшернице — сама гляди, так пропала, а нас спасла, — неожиданно всхлипнул Гошка.

— А я так совсем случайно спасся. Прямо на дикого рассказ. Захотелось до ветру сходить. Раньше я это дело у самой палатки справлял, а тут нас накануне завхоз как следует пробрал. Вы, говорит, товарищи, как свиньи, где едите, там и гадите. Вспомнил я его проборку и по близости присесть постеснялся, в кусты поковылял. Только стал, понимаешь, цветки считать, как вон с той стороны, с севера, стало быть, и залпанули. Я тогда упал и все ползком да ползком досюда вот и добрался... Проспали наши охранители. Всех искололи и порубили. Вот вам и заграница. Думали нас здесь ни одна собака не найдет, жрали да дрыхали...

— Глядите, глядите! — зашептал наблюдавший за дружинниками Ганька. — Что это они делать собираются?

На дальнем конце поляны, под раскидистой лиственницей, на которой Ганька и Гошка вырезали на память свои инициалы, творилось что-то непонятное. Но Чубатов пригляделся и сказал:

— Если не видели, как людей вешают, так увидите. Это они петли к сучьям привязывают. Значит, кто-то к ним живьем попал. Глядите и запоминайте, все как есть запоминайте! Будет срок — за все они нам ответят.

Толпа дружинников под лиственницей раздалась в стороны, и два человека в нижнем белье закачались в петлях.

— Эх, жизнь! — схватился за голову Чубатов и зарыдал.

У Ганьки потемнело в глазах, больно кольнуло в груди. Гошка судорожно сжимал в руках ветку усеянного колючками шиповника, не замечая на пальцах крови.

На поляну, освещенную первыми лучами солнца, вдруг хлынули из лесу коноводы с целым табуном разномастных лошадей. Звеня стременами и шашками, дружинники разобрали их и стали садиться в седла. Затем раздалась команда строиться.

— Сотни две их, не меньше, — определил Чубатов. А командира ихнего я, похоже, узнал. Это однако ссаул Рысаков. Он у нас во Втором Аргунском сотенным командиром на турецком фронте был. Вон он, гад, перед строем гарцует. Ну, доведись мне теперь попасть в Олочинскую, я всю его собачью родоу на распыл пушу...

Едва дружинники покинули поляну, как ребята сразу же хотели бежать туда, но Чубатов остановил их:

— Подождите, не торопитесь. Они могут и засаду оставить, если знают, что не всех перебили.

Только в полдень, сделав предварительную разведку, вышли они на поляну, залитую ярким светом. Незабываемое зрелище представилось их

глазам. Как обычно, вились над голубыми лютиками пестрые бабочки, мирно трещали в траве кузнечики. Но там, где стояли палатки, лежали скрюченные обгорелые трупы раненых. А по всей поляне валялись обезглавленные бойцы из взвода охраны. Бородатый могучий завхоз в огромных рыжих ичигах лежал с бутылочной гранатой в руке. Орубленная голова его, лысая на макушке, уставилась в небо широко раскрытыми стеклянными глазами. По меднокрасному лицу его разгуливали желтобрюхие оводы. У Ганьки закружилась голова, тошнота подступила к горлу. Чувствуя, что больше не в силах стоять и смотреть, он бросился в кусты. Там наткнулся еще на один труп. Это была повариха Ульяна, чернобровая красавица-казачка, о которой вздыхал украдкой не один молодой партизан. Ее утащили в кусты и после надругательства зверски убили. В искаженный нечеловеческой мукой рот была воткнута каким-то садистом суковатая палка. У Ганьки земля поплыла из-под ног. Он вскрикнул сдавленным голосом, упал и безутешно заплакал разрывающими горло слезами.

Когда Ганька пришел в себя, подошел Гошка, поднял его с земли и, поддерживая, повел к лиственнице с повешенными, возле которой дожидался их Чубатов. Еще издали узнал Ганька в повешенных доктора Карандаева и Семиколенко. Сделав невероятное усилие над собой, удержался он на ногах.

Чубатов взял у Гошки нож, вытянулся во весь свой немалый рост и обрезал петлю над головой Карандаева. Холодного и непомерно длинного доктора Гошка подхватил на руки и бережно положил на притоптанную траву. Потом уложили с ним рядом Семиколенко с забинтованной рукой. Чубатов опустился на колени и поочередно поцеловал обоих в суровые, даже страшной смертью не искаженные лица. Тяжело поднявшись, вытер рукавом своей продранной в клочья рубашки затуманенные горем и злобой глаза, глухо сказал:

— Ну, хватит плакать! некогда нюни распускать. Придется, братцы, в бакалейки идти, знакомых китайцев звать. Одним нам с похоронами не управиться.

— Неужели все погибли? — спросил Гошка.

— Кто его знает... Не видать пока Бянкина с фельдшерницей. А спаслись они или нет — не известно.

— Да ведь Бянкин вчера вечером с Жалсараном Абидуевым в бакалейки уехал! — вдруг вспомнил Ганька. — Я видел, как они уезжали. И как я забыл об этом?

— Тогда они уцелели, если только не повстречались на дороге с дружинниками. А фельдшерница тоже могла спастись. Она ведь не спала. Не угодила под пулю, так обязательно в лес махнула. Я ее тут покличу без вас, может, отзовется...

В бакалейках уже знали, что случилось с госпиталем. Обрато на свою сторону дружинники переправлялись совершенно открыто. Трое из них заезжали к купцам за спиртом и похвастались, что вырезали всех красных. Об этом рассказал ребятам Жалсаран Абидуев, которого нашли они возле фанзы китайцев-огородников, снабжавших госпиталь овощами.

Гошка и Ганька не испытывали к Бянкину никакой привязанности. Ганьке казался он черствым, чересчур строгим и не всегда справедливым. А Гошке не нравилось его явное стремление понравиться Антонине Степановне. Она действовала на Бянкина похлеще самой крепкой водки. Разговаривая с ней, он делался веселым и остроумным, много шутил и еще больше смеялся. И Гошка невзлюбил его за этот противный смех, за громкий и самоуверенный голос.

Теперь же, когда случилась такая беда, ребята забыли о своем расположении к Бянкину. Они хотели увидеть его как можно скорее, рассказать ему обо всем и тем самым заставить его разделить вместе с ними ту тяжесть, от которой мутился их разум, разрывались сердца.

Назавтра, когда над далекими сопками Забайкалья пылала вечерняя огненно-красная заря, хоронили убитых. Половину поляны заняла вырытая китайскими огородниками огромная могила. Холодом и сыростью веяло из темной ее глубины.

В сумерки вырос над могилой невысокий, смутно желтеющий холм. Опираясь на заступы и лопаты, неподвижно замерли возле него четверо русских, один бурят и молчаливые, благоговейно-скорбные китайцы.

Низко поклонившись китайцам, поблагодарил их за участие в похонах неузнаваемо изменившийся за сутки Бянкин. Это был уже не